

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПАЛИТРА

ОХОТНИК ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ

В Музее современного искусства PERMM открылась выставка Дмитрия Александровича Пригова, прибывшая прямым из Государственной Третьяковской галереи

Юлия Баталина

Музей PERMM, верный себе, креативно отнёсся к Году литературы в России: организовал большую выставку лидера московского концептуализма — Дмитрия Александровича Пригова (1940–2007), который за пределами Москвы известен в первую очередь как поэт. Пригов — признанный во всём мире классик, честно заслуживший своё право называться Дмитрием Александровичем, подобно Александру Сергеевичу Пушкину и Петру Ильичу Чайковскому, которых даже иноязычные специалисты величают не иначе как по имени-отчеству.

Для молодого музея это новый опыт: главная галерея страны выслала обширный райдер с требованиями безопасности, который был тщательно выполнен. Не меньшему испытанию подверг команду музея куратор выставки — заведующий отделом новейших течений ГТГ Кирилл Светляков. Под его руководством в помещениях музея выстроились новые стенки, аркады, перегородки — куратор пояснил это тем, что стремился сделать выставку как можно более зрелищной, что было непросто, ведь в концептуализме главное — концепция, а вовсе не внешний вид произведения. Но, как справедливо считает Кирилл Светляков, было бы скучно, если бы посетители бесконечно читали тексты. Так что текстов — минимум.

Поклонники Пригова-поэта будут этим, наверное, разочарованы, но им в утешение в экспозиции есть видеоклип, где Пригов читает свой текст, правда, не совсем стихи, а вариации на темы «Моление о чаше». По мнению куратора, это прекрасный пример того, как художник «ваяет словами», ведь, по теории Кирилла Светлякова, Пригов даже

в роли поэта в первую очередь художник — слова у него приобретают объём, вязкость, плотность, особенно во время перформансов, а «Моление о чаше» и есть перформанс. Вообще, Пригов был знатным перформером — существует даже легенда, что его смерть была частью перформанса: мол, его убила группа «Война». На самом деле скончался он скоропостижно в процессе подготовки к совместному с «Войной» шоу.

Есть в экспозиции и аудиозаписи: надев наушники, можно послушать, как Пригов исполняет «Евгения Онегина» в разных стилях — например, как авторскую песню или как призыв муэдзина!

Именно эта, публичная, сторона творчества художника стала наиболее популярной, тогда как его изобразительное искусство известно меньше в силу объективных причин: рисовал он дома, непублично, и вся его малогабаритная квартира была завалена карандашными рисунками и арт-объектами — сохранилось примерно 10 тыс. произведений.

Словом, разносторонний был человек. Недаром называл себя скромно «работником культуры» — эти слова для него обозначали универсальную модель творческой личности. В его наследии



Вернисаж был, как обычно, многолюдным и молодёжным

ФОТО ИВАН КОЗЛОВ



Экскурсию ведёт куратор Кирилл Светляков

есть — и музыка, и театр, и кино, и, конечно, 35 тыс. стихотворений, четыре романа, 16 пьес, без счёта статей и эссе... Но арт, изобразительное искусство, по мнению Светлякова, в этом индивидуальном культурном космосе доминирует, ведь и по образованию Дмитрий Александрович был скульптором и даже работал некоторое время по специальности на художественно-производственном комбинате, ваял гипсовых горнистов для пионерлагерей.

Это многое объясняет. Кирилл Светляков справедливо видит в творчестве Пригова мощные отголоски советских идей и представлений. «В Советском Союзе считалось, что человек должен что-то непременно оставить после себя, и это совсем не плохо», — считает куратор выставки. Пригов был человеком весьма болезненным, в детстве он перенёс полиомиелит, и мысли о смерти были ему не чужды, отсюда — маниакальное стремление творить, создавать, оставлять что-то после себя.

Для «работника культуры» не было чётких границ между разными видами искусства: он рисовал словами — на выставке можно увидеть его «графические тексты», напечатанные на машинке; превращал инсталляции в перформансы — бывало, переодевшись, сам выступал в инсталляции о «Бедной уборщице» в главной роли, а бывало — одевал уборщицей манекен, как это сделано в той инсталляции, что является одним из центральных экспонатов выставки в Перми. Пригов сам сделал её для Третьяковки в 2006 году, тем самым обессмертив один из центральных образов своего творчества, — «Бедная уборщица» для него столь же важна, как и «милиционер» из его стихов.

Изобразительное искусство Пригов воспринимал только как рукотворное. В отличие от многих других концептуалистов, а особенно их современных последователей, активно пользующих-

ся цифровыми технологиями, он всё делал руками. В случае с Приговым нет пресловутой «проблемы оригинала и копии», которая так остра в отношении коллекционирования произведений современного искусства, большинство которых создаются технологиями, допускающими тиражирование: у Пригова — только оригиналы, только карандаш, тушь, краска...

Это, на самом деле, больше всего поражает при знакомстве с выставкой — ювелирная, нечеловечески точная карандашная работа. Так рисуют маргиналы, аутсайдеры, люди, у которых ничего в жизни нет, кроме этого рисования, а ведь Пригов был, на секундочку, человек общительный, даже где-то светский, любил женщин и ничуть не аутсайдер. Эта привязанность художника к рукотворности — не диагноз, а фирменное свойство, достойное огромного уважения.

Самый броский, самый, наверное, зрелищный экспонат выставки — графическая серия шаржей на великих деятелях XX века в виде знаков зодиака и мифических монстров (среди персонажей есть и Владимир Путин, и, например, Анатолий Чубайс): издали кажется, что графика печатная, приглядишься — карандаш!

Более того! Пригов даже тиражным вещам стремился вернуть уникальность. Об этом говорит хотя бы серия рисунков на фоторепродукциях: оставляя в силе основной сюжет репродукции, Пригов от руки дорисовывал что-то парадоксальное — например, помещал в роскошный интерьер царского дворца кровотокающий труп. «Пригов — это вирус, — утверждает Кирилл Светляков, — после знакомства с этими работами невозможно смотреть альбомы репродукций: кажется, что он везде».

Поймать и обезвредить стереотип, вернуть тиражному образу первоначальный смысл — Пригов частенько проделывал такие фокусы. Взять хотя бы «Чёрный квадрат» Малевича — мировой символ непостижимости искусства, в изрядной степени искусственный мем, созданный масс-медиа. В ироничной, несмотря на визуальную аскетичность, графической серии у Пригова появляются «Чёрная линия», «Чёрный куб», «Два квадрата» и множество других вариаций на «сакральную» малевичевскую тему, которые мгновенно разрушают всю загадочность, возвращая чёрному квадрату его исконную простоту.

Пригов был мастером таких разоблачений, которые проделывал и с великими художниками вроде Саврасова или Репина, и с отвлечёнными понятиями вроде красоты или истины, и с сакрализованными советскими образами. «Дмитрий Александрович — охотник за привидениями, — утверждает Кирилл Светляков. — Привидениями образов, слов, понятий, конструкций. Он ловит их и возвращает к жизни».